

*ПОЛИКАРПОВА Елена Вакифовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 120 научных публикаций\**

## **СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ НА СЛУЖБЕ ИНТЕНЦИИ АВТОРА (на примере рассказа Евгения Гагарина «Die alte Hofdame»)<sup>1</sup>**

Статья посвящена рассмотрению стилистического своеобразия немецкоязычного рассказа Е.А. Гагарина «Die alte Hofdame». В статье анализируются способы связи намерения автора с выбором лингвистических средств описания и комментирования характеров героев и событий. Прослеживаются используемые автором стилистические приемы, относящиеся к группе противоположности, такие как парадокс, антитеза, антонимия, лексическая конверсия, мейозис и оксюморон. Каждый из указанных стилистических приемов выражает авторский замысел по-своему, исходя из конкретного механизма действия экспрессии. Так, парадокс подчеркивает несостоятельность ситуации вследствие крайней несопоставимости планов повествования. Оба приема противоположности – антитеза и антонимия – противопоставляют ситуации, конкретные действия друг другу, но прием антитезы осуществляет адверзативность на уровне предложения, а формативами антонимичного противопоставления становятся слова разных частей речи, чаще всего существительные, глаголы и прилагательные. Благодаря стилистическому приему лексической конверсии в одном и том же описании можно усмотреть два параллельно раскрывающихся действия. Экспрессия стилистического приема мейозис очень органична интенции автора, подчеркивающей значимость описываемого события через выделение важности эпизода этого события. Сложные, противоречивые обстоятельства, исключая друг друга, получили описание благодаря оксюморонному подходу. В результате суммарного задействования экспрессии сразу нескольких стилистических приемов группы противоположности особенно точно достигается противопоставление реальной и предполагаемой действительности. На основе лингвостилистического анализа делается вывод о том, что благодаря наложению, переплетению, заимствованию одним стилистическим приемом плана выражения другого читатель прослеживает в рассказе Е.А. Гагарина эпизоды жизни пожилой женщины, воплощающей образ прежней – досоветской – России.

**Ключевые слова:** *Е.А. Гагарин, «Die alte Hofdame», стилистический прием, суммарная экспрессия, лексическая конверсия, антонимия, парадокс, оксюморон, авторский замысел.*

---

<sup>1</sup>Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Архангельской области в рамках научного проекта № 17-14-29002.

\*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: polikarpova.narfu@yandex.ru

Для цитирования: Поликарпова Е.В. Стилистические приемы на службе интенции автора (на примере рассказа Евгения Гагарина «Die alte Hofdame» // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2019. № 1. С. 75–83. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.75

Цель данной статьи – изучить механизмы реализации образа автора в немецкоязычном рассказе писателя-эмигранта Евгения Андреевича Гагарина посредством описания взаимодействия стилистических приемов, относящихся к группе приемов противоположности.

Актуальность проведенного исследования можно обосновать не только необходимостью развития лингвокраеведения как одного из перспективных направлений современной лингвистики, но и важностью комплексного изучения возможностей взаимодействия стилистических приемов в целях исследования интенций автора.

Рассказ «Die alte Hofdame» входит в сборник рассказов Е.А. Гагарина, опубликованный под названием «Die Gewesenen – Russische Schicksale» («Бывшие – русские судьбы») в 1936 году в Мюнхенском издательстве «Kösel – Pustet»<sup>2</sup>. В Германии выходец с Архангельского Севера проживал с 1933 по 1948 год как эмигрант, после того как вместе с женой Верой Арсеньевой и ее родственниками благодаря стараниям близких был практически выкуплен за валюту у советского государства. Эмиграция в Германию, которая дала возможность Е.А. Гагарину заниматься литературным творчеством и печататься, обрекла его и на мучительную ностальгию по Родине. Во время пребывания за рубежом он постоянно вспоминал Россию, Архангельский Север, писал как по-немецки, так и по-русски – в основном только о своей исторической родине и событиях, связанных с ней.

Почему для лингвостилистического анализа был выбран именно рассказ Е.А. Гагарина? Наверное, потому, что нам, жителям Архангельского Севера, и в особенности преподавателям перевода, интересно знать, что и как изображал Е.А. Гагарин в своих произведениях. Именно в русле лингвокраеведения в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований «Русские писатели-эмигранты с Архангельского Севера Е.А. Гагарин, А.С. Арсеньева,

Г. Ревальдт в Германии в 1930-е–1940-е гг.: реконструкция биографий и исследование их русско- и немецкоязычного литературного творчества» изучается литературное творчество писателя-земляка<sup>3</sup> – вслед за немногими авторами, пытавшимися приблизиться к пониманию его литературного наследия [1–7].

Евгений Андреевич Гагарин родился 12 февраля 1905 года в с. Большое Коневаловское Шенкурского уезда Архангельской губернии в семье зажиточного крестьянина, который занимался торговлей и имел сразу несколько производств. Безмятежно проведенное детство во времена царской России, обусловленное материальным благополучием семьи, оставило самые приятные воспоминания в памяти Гагарина. Время послереволюционных перемен вызвало у бывшего студента историко-филологического факультета Петроградского университета, а затем и работника треста «Севстрой» явное неприятие, пробудило в нем в основном негативные эмоции. Подробно об отрицательных сторонах новой, советской, жизни (потоках ссыльных, репрессиях, сносе церквей, разрушении традиционных нравственных ценностей и морали) отточенным языком как раз и пишет Е.А. Гагарин в своем рассказе «Die alte Hofdame».

При чтении данного рассказа невольно вспоминаются слова писателя А.В. Воронцова о Е.А. Гагарине. В 2008 году А.В. Воронцов опубликовал небольшую статью под названием «Евгений Гагарин – неизвестное имя русской литературы», в которой он весьма высоко оценивал писательский талант Е.А. Гагарина. По его словам, Гагарин мог бы «стать одной из ведущих фигур русской литературы XX века», если бы не ушел из жизни столь рано (писатель умер в 1948 году в возрасте 43 лет) [8]. А.В. Воронцов во многих своих произведениях отстаивал мнение, что «не было и уже не будет в России прозаика, столь естественно и органично продолжившего традиции Чехова и Бунина» [9, с. 10; 10].

---

<sup>2</sup>Gagarin E. Die Gewesenen. Russische Schicksale. München: Verlag Kösel-Pustet, 1936.

<sup>3</sup>Гагарин Евгений Андреевич // Краткий биографический словарь русского Зарубежья. М.: Рус. путь, 1996. С. 173.

С А.П. Чеховым, кстати, Е.А. Гагарин сходен в филигранном умении писать между строк, ненавязчиво и нюансированно сообщая читателю информацию о характерах героев, событийных особенностях разворачивания повествования. Не остается практически ни одного стилистического приема, которым бы не воспользовался Е.А. Гагарин, детально описывая эпизоды заката жизни достопочтенной дамы весьма преклонного возраста, *die alte Hofdame* («старой фрейлины»).

В рассказе Е.А. Гагарина «*Die alte Hofdame*» интерес представляют как выбор фабулы (жизнеописание будней пожилой дамы, воспринимающей мир особым образом), так и манера одновременно и «сочувствующего», и «жестоко обнажающего» действительность повествования.

Доминирующим стилистическим приемом, используемым в рассказе, является противопоставление, воплощаемое с помощью антонимии и антитезы. Противопоставляя Советскую Россию старой – царской – России на примере новой и прежней жизни главной героини рассказа, Е.А. Гагарин умело использует и многие другие стилистические приемы в формате антонимичного представления. Критические нотки отрицания новой России просматриваются в рассказе в сценах, описанных благодаря механизму стилистического приема лексической конверсии. Одни и те же денотативные ситуации автор изображает прямо противоположно: бывшая фрейлина дворянского рода представляет себе, что живет со «служанкой» Аннушкой. На самом деле Аннушка во времена «правления большевиков» вытеснила пожилую даму из дворянских хором и ждет ее смерти, практически владея жизнью «бывшей придворной». Следует напомнить, что в отличие от антонимов в тексте обычно употребляется лишь один из конверсивов, а другой при этом подразумевается. Одновременное введение в текст обоих конверсивов экспрессивно подчеркивает

мысль: «В борьбе враждебной выигрыш одного есть проигрыш другого»<sup>4</sup>.

Противопоставленные друг другу по закону лексической конверсии картины жизни воссоздаются автором рассказа тщательно благодаря детальности описания. С одной стороны, очевидна кажущаяся нелепость фантазий главной героини. С другой, обнажается опасность ситуации и безысходность ее нынешнего положения. Так, автор описывает толпы тяжело ступающих мимо ее дома демонстрантов, проходящих по улицам с шумными песнями, красными знаменами, а старой фрейлине приписывает мысль, что в Москву поклониться святой иконе Иверской Божьей Матери приехал из Петербурга «государь, который обязательно почитит ее своим вниманием и заедет к ней»: *Seine Majestät ist in Moskau! Er wird uns höchstwahrscheinlich mit seinem Besuch beehren!*<sup>5</sup>

В виде лексических конверсивов предстают перед читателем описания нищеты и голода, которые постоянно мучают героиню. Реальные картины лишений кажутся ей временным наказанием и своего рода ссылкой за ее строптивость по отношению к государю, оказывавшему ей раньше знаки внимания и даже любившему ее. «Старая фрейлина» полагает и искренне верит, что государь «простит ее и вернет к своему двору».

Разнообразие антонимичного представления в рассказе не знает границ. Особая роль автором отводится описанию речевых портретов персонажей, противопоставленных друг другу по возрастным характеристикам, социальному статусу, образованию, политическим убеждениям и даже вере. Вдвойне интересны антонимично оживающие речевые портреты пожилой фрейлины и типичных членов советской власти – трудового народа. Коммунисты, изображенные автором рассказа здоровыми, но грубыми людьми, которые по большей части были «выходцами из рабочих и матросов», говорили «только о политике, о Ленине, о партии, хотя

---

<sup>4</sup>Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://www.вокабула.рф/словари/лингвистический-энциклопедический-словарь/> (дата обращения: 20.12.2018).

<sup>5</sup>*Gagarin E.* Op. cit. S. 13.

и очень шумно, долго и с массой слов из газет»<sup>6</sup>. На первый взгляд, перед читателем – позитивная картина трудового люда. Далее автор осуществляет переход к противоположному изображению речевого поведения, указывая на то, что эти представители новой власти с громкой бранью ссорились и даже плевались друг в друга. Такой речевой портрет антонимичен уже сам по себе. Большую контрастность набирает речевая представленность противопоставляемых друг другу по социальной лестнице героев внутри диалогов: людей из рабочего класса с одной стороны и самой старой фрейлины и старого графа Аничкова с другой.

Речь бывшей придворной изобилует возвышенной лексикой, характеризуется высокопарным синтаксисом. Дама запрещает Аннушке заговаривать первой и разговаривать с ней на «ты»: *Sie vergessen sich! Ich habe Ihnen schon oft gesagt, dass Sie nur auf Fragen antworten und mich nie zuerst anreden dürfen! Und ich habe Sie gebeten, mich nicht zu duzen...*<sup>7</sup>

В устах старой фрейлины очень органично звучат слова *Graf* («граф»), *mein getreuer Ritter* («мой верный рыцарь»), *der Zar* («государь»). Для сравнения: композитная часть лексемы возвышенной семантики «Zaren» в речи сына соседки по комнате, «отпрыска коммунистки», звучит далеко не высокопарно, а наоборот, грубо: *Du, Zarendirne!* (досл. «Ты, царская шлюха»). Старая фрейлина живет с верой и почитает вероисповедание, поэтому при описании «заката» ее жизни используется соответствующая религиозная лексика: *das Morgengebet* («утренняя молитва»), *die Vesper* («вечерняя служба»), *die Epistel* («апостольское послание»), *das Nachtgebet* («всенощная»); *das Gebetbuch* («молитвенник») и т. д.

Автор использует антитезу, а также антонимичное, не лишённое иронии представление речи при описании противоположных по духу и по происхождению персонажей. Аннушка – революционерка, она уходила на службу в суд или

на какие-то заседания с огромным портфелем под мышкой, полным бумаг, прошений и циркуляров, хотя с трудом умела читать только по печатному тексту. При этом возникал следующий разговор.

Пожилая дама: *Ich danke Ihnen, meine Liebe! Ich bitte Sie, mein Bett zu machen – dann können Sie gehen!*

Аннушка: *Halt das Maul! Alte Hexe!*<sup>8</sup>

Старая фрейлина вежлива, но обращается к ней, как к служанке, а Аннушка в ответ называет ее «старой ведьмой» и требует «закрыть рот».

По природе восприятия антонимичного в рассказе явно выделяются противопоставления, легко считываемые как фактуальные. С одной стороны, героиня верит в бога и учит ребенка Аннушки (читай: безбожницы) почитать бога и верить в него. С другой стороны, мы наблюдаем поведение и речь сына Аннушки, который в нужде притворяется или начинает действительно верить в бога, втайне от матери учит «Отче наш», правда, произносит молитву только для того, чтобы получить еду. Наряду с таким очевидным фактуальным противопоставлением (вера/невера; родные не учат ребенка богопочитанию, не приобщают его к религии, а чужая женщина занимается душой ребенка и его воспитанием, заботится о нем) в рассказе воплощается контекстная антонимия (жизнь как сплошное, непрерывное течение с одной стороны и разорванные клочья судеб с другой).

Стиль авторских описаний, предстающих перед глазами читателя именно в том свете, в каком хотел это видеть автор, рождается не в последнюю очередь благодаря суммарной экспрессии стилистических приемов. Так, изобилующее в рассказе антонимичное представление функционирует одновременно на основе принципа оксюморона. Знакомые ранее пожилой женщине фигуры часто возникают в ее сознании. Она улыбается им с закрытыми глазами – этому воздушному строю мертвых, а для нее – все еще живых существ.

<sup>6</sup>Gagarin E. Op. cit. S. 15.

<sup>7</sup>Ibid. S. 10.

<sup>8</sup>Ibid.

Нелепо противоположен, а потому оксюморонно показан карьерный «рост» коммунистки Аннушки, молодой женщины, которая жила в комнате вместе со старой фрейлиной за перегородкой из шкафов. Аннушка была когда-то официанткой в одном цыганском ресторане, а после революции стала коммунисткой и даже членом «народного революционного суда» в Москве. Здесь явно реализуется воплощение антитезной формулы «из грязи в князи».

Интересно автор работает с концептами, прямо противопоставленными друг другу как в прямом смысле, так и переносном. Таковы концепты «холод» и «тепло». Детально описаны лишения из-за холода, что подкреплено лексемами, привязанными по семантике к концепту «холод», утверждающими в начале и резюмирующими в конце пассажа по принципу стилистического приема обрамляющий повтор киклос: «потерять тепло ночи»/«трястись от утреннего холода»/«мелкая, непрерывная дрожь»/«и все-таки ей было холодно»: *Die natürliche Wärme war schon aus ihrem Körper gewichen, und sie zitterte ununterbrochen infolge der Morgenkälte. Dennoch war es ihr kalt*<sup>9</sup>.

Концепт «тепло», понимаемый так же, как «память о прежней, не имеющей таких лишений и мучений жизни» (читай: о прежней – дворянской – России), воплощен в формате вожделенного, оттянутого во времени, неосуществленного ожидания и описания фактуальности, которая не дает теплу прийти, быть, осуществиться: старая женщина знала, что скоро ей принесут кипятку и она согреется, и что тепло продержится, может быть, и до прихода гостя, и что суббота была плохим днем для тепла, т. к. в субботу Аннушка не топила печки: *Die alte Dame wusste aber, dass man ihr bald heißes Wasser bringen werde, dann würde sie sich wärmen können und, falls es draußen nicht so frostig wäre, vielleicht bis zum nächsten Tee nicht so frieren*<sup>10</sup>.

Сочувствие автора печальной участи достойной в прошлом дворянки проявляется также в описании двух совершенно противоположных друг другу событий, которые писатель воспроизводит очень ярко благодаря сочетанию сразу нескольких стилистических приемов. По принципу лексической конверсии он описывает представление главной героини о государе как живом и действующем, даже желающем скоро нанести ей визит и забрать к себе. Механизм действия такого стилистического приема, как парадокс, позволяет усмотреть параллельно две исключаящие друг друга ситуации: здравствующий, по мнению главной героини, государь на самом деле давно уже покинул этот мир.

Автор описывает это по принципу стилистического приема градации, а именно антиклимакса, прямо говоря, что полстолетия прошло с тех пор, как бомба разорвала ее государя, что сын его уже сошел в могилу и даже память о мученическом конце его несчастного внука и правнука стала зарастать забвением, сама Россия умерла в эти страшные годы, как много других монархий на свете: *Schon ein halbes Jahrhundert war vergangen, seitdem eine Bombe ihren Kaiser zerrissen hatte; sein Sohn lag auch schon im Grabe, und sogar die Erinnerung an seinen nicht wenig unglücklichen Enkel, den letzten russischen Zaren und dessen Sohn war im Wolke verblichen. Russland selbst starb in diesen furchtbaren Jahren*<sup>11</sup>.

Страшно подумать, как отреагировала бы главная героиня, если бы узнала правду о своем государе. Такая резюмирующая градация как бы показывает, насколько отстала от реальной жизни старая фрейлина. Но в этом не выражается презрение автора. Напротив, он описывает ее истинно, достоверно как очень старую, повидавшую жизнь, как отвергающую действительность в силу того, что эта новая Россия не ее прежняя, дворянская, привычная ей по общественному и социальному укладу страна. Е.А. Гагарин

<sup>9</sup>Gagarin E. Op. cit. S. 7.

<sup>10</sup>Ibid. S. 7–8.

<sup>11</sup>Ibid. S. 13.

сравнивает пожилую даму со старинным креслом хорошего красного дерева старинной работы, но уже рассевшимся. Многослойное сравнение, в котором есть место описанию пыльной трухи, выбивающихся с боков грязных нитей, как седых женских волос, коггисто торчащих пружин, подчеркивает, что это кресло (читай: героиня) интересно и хорошо по-своему: *Der Sessel war aus gutem Holz, ein altertümliches solides Möbelstück im Empirestil, aber schon abgenutzt: unten fiel Holzmehl heraus, aus den Seiten krochen lange, schmutzige Fäden aus dem roten Samtbezug, und die Sprungfäden ragten wie die Krallen hervor...*<sup>12</sup>

Вышеприведенное описание направлено на утверждение, что была какая-то особенная гармония между этим остатком превосходной мебели и главной героиней. И снова есть место оксюморонному противопоставлению. Автор утверждает гармонию старческой и страшной, но благородной красоты ее строгого лица: *Es herrschte doch eine rührende Harmonie zwischen diesem zweifellos einst prächtigem Möbelstück und der alten Dame, die darin saß und deren scharfes Gesicht eine erschreckende und doch edle Greisenschönheit aufwies*<sup>13</sup>.

Свою экспрессию привнесли в трогательный рассказ зевгматические употребления:

*Die Erinnerungen drängten sich aufs neue der alten Dame auf, erregt durch eigene Worte, durch die Dämmerung und die Töne vermeintlicher ferner Militärorchester*<sup>14</sup> («Воспоминания вновь стеснились перед старухой, вызванные отчасти ее собственными словами, отчасти сумерками и военной музыкой»);

*Die Verwandten und die alten Bekannten verschwanden allmählig, die einen ins Ausland, andere in die Verbannung, wieder andere in die*

*bessere Welt*<sup>15</sup> («Исчезли разом все родные и близкие – кто за границу, кто в ссылку, кто в иной мир»).

Причудливо сплелась в рассказе экспрессия стилистического приема антономазии с паронимией. Стилистически интересное использование имен собственных имеет место в паронимном обыгрывании имени графа Аничкова, которого ребенок Аннушки называет «Дядя Сенька» по произносимой часто графом англоязычной фразе (thank you). Причем в самом рассказе далее следует фраза *schrie der Knabe und schob erschrocken seine Ausschnittbilder zusammen*<sup>16</sup> («вскричал вдруг мальчик и испуганно смешал картинки в кучу»). Кажется, будто автор подсказывает, как правильно понять введенный им в повествование пароним и восприятие мальчиком его на слух (в его сознании все перемешалось).

Даже мейозисное представление в повествовании рассказа основывается на противопоставлении эпизодов в жизни героини. По принципу выделения наименьшего с целью раскрытия силы действия утверждаемого признака в детально представленном срезе с последующим синтезом всеобщей картины, характеризующей силу действия утверждаемого принципа в целом, т. е. по принципу мейозиса и одновременно парадокса, автор комментирует, что старуха слышит каждое слово, каждый звук, но что она привыкла уже к этому, а главное, ничего не понимала ни из слов других людей, ни вообще из того, что происходило на свете: *zu der alten Dame hinter der alten Schrankwand drang jedes Wort, jeder Laut, und sie hat sich schon ganz daran gewöhnt. Die Hauptsache aber war, dass sie weder ihre Sprache noch überhaupt, was dort geschah verstand*<sup>17</sup>.

---

<sup>12</sup>Gagarin E. Op. cit. S. 7.

<sup>13</sup>Ibid.

<sup>14</sup>Ibid. S. 11.

<sup>15</sup>Ibid. S. 12.

<sup>16</sup>Ibid. S. 18.

<sup>17</sup>Ibid. S. 9.

Уникальны по своей выразительности описания, которые можно интерпретировать как употребления разных стилистических приемов по принципу суммарной экспрессии. Эти стилистические образы объединяет то, что они непривычно сильны по выразительности и емкости описания. Так, «сырой утренний мрак» просто ощущаем по описанию телесно. Синестетичен, например, и образ «звучащего жевания»: *und begann es langsam im Munde zu wälzen*<sup>18</sup> («начала жевать, звучно и водянисто шлепая беззубыми челюстями»). Персонифицированные образы действуют, как им и положено, оживляя и конкретизируя повествование: *floss das gelbe schwache Licht einer elektrischen Lampe*<sup>19</sup> («течахлый электрический свет»). Оригинальны и трудны для перевода метафоры: *Ihr Körper hatte sich durch die Wärme gelöst*<sup>20</sup> («Тело приятно распустилось от тепла»); *...und sie überließ sich dem Gleiten ihrer kurzen, unzusammenhängender Gedanken*<sup>21</sup> («она все глубже погружалась в свой блаженный туман мыслей»).

Таким образом, автор намеренно использует развернутые стилистические приемы, особенно интенсивно он эксплуатирует экспрессию стилистических приемов группы противоположности, каждый из которых по своему воплощает интенции автора. Оксюморон, требующий сложного денотата, описывает сложные, взаимоисключающие эпизоды. Лексическая конверсия призвана показать несостоятельность и иллюзорность восприятия главной героиней реалий действительности, как бы подчеркивая естественность приближения ее ухода, надвигающейся смерти, что, в свою очередь, метафорически намекает на существование двух противоположных миров: уходящей прежней России с дворянским сословием, к которому принадлежит героиня, и новой Советской России, в которой есть место дерзко цепляющимся за жизнь «Аннушкам». За этой болью главной героини просматривается палитра ощущений самого автора, во многом разделившего ее судьбу.

### Список литературы

1. Гагарин Евгений Андреевич // Литературное наследие Виноградовского района: библиогр. пособие / сост. Т.Н. Абрамова, Н.Н. Лудкова. Березник, 2011. С. 7–11.
2. Галимова Е.Ш. Дорога к дому. Е.А. Гагарин и его герои в поисках Родины // Северный текст русской литературы. Вып. 4. Структура и текст. Архангельск: Кира, 2018. С. 148–163.
3. Гергель Р. Еще одно имя: Евгений Андреевич Гагарин // Филол. зап. 1999. Вып. 13. С. 203–204.
4. Елепова М.Ю., Рыкова Е.Е. Изображение северной ссылки в романе А. Русинова «Великий обман» и в книге О.В. Волкова «Погружение во тьму». К проблеме поэтики мемуарно-автобиографической прозы // Северный текст русской литературы. Вып. 4. Структура и текст. Архангельск: Кира, 2018. С. 124–136.
5. Никитина М.В. Традиция русской новеллистики в творчестве Е.А. Гагарина // Северный текст русской литературы. Вып. 4. Структура и текст. Архангельск, Кира, 2018. С. 163–169.
6. Поликарпов А.М. Образ Архангельского Севера в книге А. Русинова «Die große Täuschung» и ее переводе на немецкий язык // Северный текст русской литературы. Вып. 4. Структура и текст. Архангельск: Кира, 2018. С. 136–148.
7. Попов В. Евгений Андреевич Гагарин – писатель русского Зарубежья // Двиноважье. 2005. 1 марта. С. 3.
8. Воронцов А. Евгений Гагарин – неизвестное имя русской литературы // Лит. газ. 2008. № 45. 6 нояб. С. 25.

---

<sup>18</sup>Gagarin E. Op. cit. S. 15.

<sup>19</sup>Ibid. S. 10.

<sup>20</sup>Ibid. S. 11.

<sup>21</sup>Ibid. S. 12.

9. Воронцов А. Потаенная русская литература // Наш современник. 2000. № 7. С. 11.
10. Воронцов А. Продолжатель классических традиций: о русском писателе-эмигранте Евгении Андреевиче Гагарине // Двина. 2011. № 4. С. 162.

### References

1. Gagarin Evgeniy Andreevich [Eugene Gagarin]. Abramova T.N., Ludkova N.N. (comps.). *Literaturnoe nasledie Vinogradovskogo rayona* [Literary Heritage of Vinogradovsky District]. Bereznik, 2011, pp. 7–11.
2. Galimova E.Sh. Doroga k domu. E.A. Gagarin i ego geroi v poiskakh Rodiny [The Way Home. Eugene Gagarin and His Characters in Search of Motherland]. *Severnyy tekst russkoy literatury. Vyp. 4. Struktura i tekst* [Northern Text of Russian Literature. Iss. 4. Structure and Text]. Arkhangelsk, 2018, pp. 148–163.
3. Gergel' R. Eshche odno imya: Evgeniy Andreevich Gagarin [Yet Another Name: Eugene Gagarin]. *Filologicheskie zapiski*, 1999, no. 13, pp. 203–204.
4. Elepova M.Yu., Rykova E.E. Izobrazhenie severnoy ssylki v romane A. Rusinova "Velikiy obman" i v knige O.V. Volkova "Pogruzhenie vo t'mu". K probleme poetiki memuarно-avtobiograficheskoy prozy [The Image of the Northern Exile in A. Rusinov's Novel *The Great Deception* and in O.V. Volkov's Book *Immersion in the Darkness*. On the Poetics of Memoir and Autobiographical Prose]. *Severnyy tekst russkoy literatury. Vyp. 4. Struktura i tekst* [Northern Text of Russian Literature. Iss. 4. Structure and Text]. Arkhangelsk, 2018, pp. 124–136.
5. Nikitina M.V. Traditsiya russkoy novellistiki v tvorchestve E.A. Gagarina [Tradition of Russian Short Stories in Eugene Gagarin's Oeuvre]. *Severnyy tekst russkoy literatury. Vyp. 4. Struktura i tekst* [Northern Text of Russian Literature. Iss. 4. Structure and Text]. Arkhangelsk, 2018, pp. 163–169.
6. Polikarpov A.M. Obraz Arkhangel'skogo Severa v knige A. Rusinova "Die große Täuschung" i ee perevode na nemetskiy yazyk [The Image of the Arkhangelsk North in A. Rusinov's Book *Die große Täuschung* and Its Translation into German]. *Severnyy tekst russkoy literatury. Vyp. 4. Struktura i tekst* [Northern Text of Russian Literature. Iss. 4. Structure and Text]. Arkhangelsk, 2018, pp. 136–148.
7. Popov V. Evgeniy Andreevich Gagarin – pisatel' russkogo Zarubezh'ya [Eugene Gagarin: An Expatriate Russian Author]. *Dvinovazh'e*, 1 March 2005, p. 3.
8. Vorontsov A. Evgeniy Gagarin – neizvestnoe imya russkoy literatury [Eugene Gagarin: An Unknown Name in Russian Literature]. *Literaturnaya gazeta*, 6 November 2008, no. 45, p. 25.
9. Vorontsov A. Potaennaya russkaya literatura [Unknown Russian Literature]. *Nash sovremennik*, 2000, no. 7, p. 11.
10. Vorontsov A. Prodolzhatel' klassicheskikh traditsiy: o russkom pisatele-emigrante Evgenii Andreeviche Gagarine [Successor to Classical Tradition: On the Russian Émigré Writer Eugene Gagarin]. *Dvina*, 2011, no. 4, p. 162.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.75

**Elena V. Polikarpova**

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;  
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;  
e-mail: polikarpova.narfu@yandex.ru

### STYLISTIC DEVICES AT THE SERVICE OF THE AUTHOR'S INTENTION (Exemplified by Eugene Gagarin's Novella *Die alte Hofdame*)

This article dwells on the stylistic originality of Eugene Gagarin's novella *Die alte Hofdame*. The paper analyses the ways of connecting the author's intentions with the choice of linguistic means of describing

---

*For citation:* Polikarpova E.V. Stylistic Devices at the Service of the Author's Intention (Exemplified by Eugene Gagarin's Novella *Die alte Hofdame*). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 1, pp. 75–83. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2019.1.75



and commenting on the characters and events. Gagarin applies stylistic devices based on opposition, such as paradox, antithesis, antonymy, lexical conversion, meiosis, and oxymoron. Each of them expresses the author's intention in its own way, based on the specific action mechanism of expression. Thus, paradox underlines the inconsistency of the situation due to the extreme incomparability of the narrative planes. Both antithesis and antonymy juxtapose situations or specific actions; however, antithesis is used on the sentence level, while antonymy involves words of different parts of speech, most typically nouns, verbs and adjectives. The stylistic technique of lexical conversion allows us to see two parallel actions in one and the same description. The expression of meiosis is in organic relationship with the author's intention, emphasizing the significance of the described event by highlighting the importance of an episode of this event. Difficult, contradictory and mutually excluding circumstances are described through oxymoron. It is noteworthy that the cumulative expression of several stylistic devices based on opposition allows the author to achieve a striking contrast between actual reality and assumed reality. As a result, the linguistic stylistic analysis showed that due to the layering and interweaving of different stylistic devices as well as to their interchange of planes of expression, the reader is able to trace in Gagarin's novella the episodes from the life of an elderly woman embodying old – pre-Soviet – Russia.

**Keywords:** *Eugene Gagarin, Die alte Hofdame, stylistic device, cumulative expression, lexical conversion, antonymy, paradox, oxymoron, author's intention.*

Поступила: 01.11.2018

Принята: 26.11.2018

Received: 1 November 2018

Accepted: 26 November 2018